Лилия МУЛЛАГАЛИЕВА

Трансформация языка под влиянием идеологии «политической корректности»

Попытки политической элиты взять язык под контроль и регламентировать правильное обозначение элементов реальности наряду с табуированием некоторых понятий имеют давнюю историю. Тоталитарные режимы, стремясь контролировать все сферы бытия, в первую очередь стремились сформировать нужную картину мира в сознании субъектов. Главная роль в достижении этой цели отводилась трансформации языка.

Как указывают исследователи, термин «политическая корректность» свидетельствует о целерациональном характере данной идеологии, следовательно, речь идет о выражении формальной толерантности. По мысли С.Г. Тер-Минасовой: «Термин … представляется неудачным из-за слова политическая, подчеркивающего рациональный выбор по политическим (а значит, неискренним) мотивам в противоположность искренней заботе о человеческих чувствах, стремлении к тактичности, к языковому проявлению хорошего отношения к людям» [1, с. 15].

Стремление найти новые способы и формы языкового выражения мыслей и чувств, позволяющие не задевать достоинство человека, не ущемлять его права в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. д., гуманно и возражений не вызывает. Однако зачастую вместо защиты прав и достоинств человека можно наблюдать сглаживание и попытку завуалировать острые социальные проблемы, умалчивание противоречий, требующих решения. Дело в том, что политкорректность носит прагматический характер: «В подавляющем большинстве корректность английского языка вызвана коммерческими мотивами. В центре идеологии Запада оказывается таким образом человек, рассматриваемый как потенциальный клиент, покупатель, пассажир, абонент… Это *коммерческая корректность* и коммерческая забота о человеке-клиенте» [1, с. 224]. Такая предупредительность и забота о человеке как получателе неких услуг есть примета постиндустриального общества, где приоритет от преимущественного производства товаров переходит к производству услуг.

Научной основой идеологии языковой политкорректности является гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, которая, по выражению К.С. Шарова, «в конце XX – начале XXI вв. произвела на свет многоглавое чудовище – концепцию политической корректности» [2, с. 31]. Согласно этой гипотезе, идеи людей в значительной степени определяются системой языка, на котором они говорят. Категории языка (семантические, грамматические, стилистические и др.) не только являются инструментами для передачи мыслей говорящего, но и управляют мыслительной деятельностью, формируя картину мира человека, а через это – и объективное социальное бытие. Следовательно, если сконструировать язык таким образом, чтобы вытеснить из него все элементы, несущие вражду, разобщенность, нетерпимость, то в итоге мы получим бесконфликтное бытие, гармоничную реальность, лишенную непримиримых противоречий.

Однако на практике обнаруживается «паразитарный характер политкорректности, ее искусственность и очевидная двусмысленность, чем, кстати, не перестают пользоваться правительства, общественные структуры, религиозные и политические лидеры, бизнес-корпорации, университетское сообщество и так далее» [3]. У истоков политкорректности стоят интересы элиты, т.е. она служит классовому расслоению общества, выполняет функции референции к богатству и статусу верхушки в политическом и экономическом бытии. Власть имущий, богатый, сильный субъект снисходительно позволяет слабому номинально быть равным с ним. Однако это не реальное равенство, а декларативное, лишь в бытии языка – так слово подменяет реальность.

Субъективное вмешательство в язык должно, по мысли идеологов политкорректности, без решения общественных проблем отправить в небытие саму возможность конфликтов. Нововведения искусственного языка политкорректности вытесняют целые языковые формы из употребления. Так, в английском языке прежние слова salesman («продавец») или saleswoman («продавщица») замещены словом salesperson (тот, кто занимается продажей). Следовательно, проблема женского равноправия решается в онтологии языка, а не в политическом, экономическом пространстве. Появление лакун и элементов искусственного языка устраняют саму возможность постановки острого полемического вопроса.

Управление языком, наоборот, обнажает социальную уязвимость, ущербность представителей защищаемых групп и, как следствие, оправданность для них особых условий. Убедительно рассуждает по этому поводу Д. Абдульвалий: «Когда ответственные за сие люди, которые накладывают вето, например, на слово “инвалид”, тем самым дают понять увечному человеку, что инвалидность – свидетельство ущербности и этого надо стыдиться… ,то таким образом эти “радетели псевдо-справедливостей” говорят: эти люди неспособны добиться успеха на общих основаниях, им нужны послабления… помимо

Лилия МУЛЛАГАЛИЕВА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы

лицемерия у “чрезмерного толерантизма” наблюдаются и двойные стандарты. Разумный и размышляющий человек да увидит, что те же, кто призывают к “абсолютной политкорректности”, сами не стесняются навешивать ярлыки из различных домыслов и явных провокационных выдумок, подчеркивают и подают в негативной окраске арабское, исламское, иранское и еще невесть какое-либо происхождение, как и состояние сознания. Не гнушаются к понятиям “терроризма”, “радикализма”, “экстремизма” и т. п. подгонять снова же “арабский/исламский” и т. д.» [4].

Западная идеология политкорректности, особенно ее американский вариант, дискредитирует смысл концептов языка до комичного. Отрицательно аксиологически нагруженный концепт «лень» политкорректно трактуется как «ограниченная потребность в труде», «преступник» – это «этически дезориентированный», «ложь» – «альтернативная версия фактов», «мошенник» – «человек харизматической наружности» и т. д. Вместо однозначного и конкретного понятия «нищий» – «лицо с ограниченными способностями к инвестированию», вместо «взятка» – «альтернативная зарплата». Так социальные уродства маскируются и приобретают налет «приличия».

Апофеозом американской политкорректности стало появившееся в конце декабря 2010 г. на сайте американского внешнеполитического ведомства сообщение о том, что с 1.02.2011 г. в бланках типовых заявлений на первичное оформление паспорта и регистрацию детей, рожденных американцами за рубежом, будут изменены две графы, содержащие информацию о родителях. Согласно пресс-релизу, «в целях нейтрального описания половой принадлежности родителей и признания равных прав различных типов семей», слова «мать» и «отец» должны были быть заменены на слова «родитель номер 1» и «родитель номер 2».

Споры в СМИ и возражения конгрессменов-республиканцев, направивших запросы в Госдепартамент, вынудили руководство ведомства задуматься над поиском «соломонова решения». В середине января 2011 г. руководство дало указание ответственным за этот вопрос лицам изменить содержание бланков так, что бы из них не исключались слова «мать» и «отец». Очевидно, что в бланках будут присутствовать пункты «мать или родитель номер 1» и «отец или родитель номер 2» – так, чтобы не ущемить права традиционных семей [5]. Такая вульгарная трактовка политкорректности не просто ставит под сомнение традиционные ценности, значение материнства и отцовства, но и дискредитирует законы природы и общества.

Ученые единодушно признают, что принципы политкорректности значительно трансформируют качество языка. Осознание этого заставляет философов вспомнить оруэлловский новояз (NewSpeak). Так, раскрывая концепцию политкорректности, К.С. Шаров пишет: «Раса, этнос, пол, вероисповедание, сексуальная ориентация, политические взгляды, возраст, интеллектуальные способности, физическая конституция, психотип, характер, темперамент индивида и иные его атрибуты вовлеклись в сферу господства политкорректности» [2, с. 31]. Следовательно, политкорректность затрагивает все сферы бытия субъекта, в связи с этим актуальность обращения к этому феномену как причине трансформации языка не вызывает сомнений.

Политкорректность есть рычаг трансформации политического бытия через изменение языкового бытия. Это средство вытеснения многообразия мнений одним – политкорректным. Характеризуя механизм трансформации языка под влиянием принципов политкорректности, Л.Г. Ионин отмечает: «Путем насильственной замены неполиткорректных слов на политкорректные осуществляется насильственный перевод мнений и высказываний из одной системы мысли в другую, более того, из одной картины мира – в другую. Например, если в ходе выступления оратор употребит термин «чужой» по отношению к прибывшему в страну лицу иной национальности, иной веры или иного цвета кожи, то политкорректная аудитория может прервать его восклицаниями: “Не чужой! Другой!”» [6].

Таким образом, политкорректность есть попытка прикрыть сущность негативного явления вытеснения многообразия мнений и культивирования только одного мнения – меньшинства, элиты. С одной стороны, политкорректный язык элиты, с другой – молчащее большинство.

Исследователи аспектов трансформации русского языка под влиянием искусственного языка современной демократии для обозначения таких «перевертышей» используют понятия «нравственный обман», «словесное оборотничество» – эти категории точно отражают сущность происходящих изменений в бытии языка. А. Мельков считает, что необходимо бороться с нравственным обманом, который утверждается в национальном языке под видом ничем не оправданной фиксации элементов иноязычного происхождения. Это приводит к тому, что «в нашем обществе маскируются многие нравственные пороки. Через этот новояз будто скрывают свой подлинный облик, выдаются за положительные прежде носившие в русском языке конкретную отрицательную окраску понятия и явления. Популярные сейчас слова “киллер”, “гей”, “рэкетир”, “путана” звучат вполне современно и их окружает искусственный ореол романтики и вожделенной свободы. Но если подобрать эквиваленты этим понятиям в русском литературном языке, то это будут “убийца”, “содомит”, “вымогатель”, “блудница”, то есть исследователь получит конкретное лексическое значение слов, далекое от высоких нравственных идеалов цивилизованного общества. Налицо попытка легализации порока в бытии российского общества при помощи манипуляций с родным языком и родной речью, что является противоправным посягательством на культурные права граждан и их достоинство по национальному признаку» [7].

Итак, язык политкорректности трансформирует ценностный аспект бытия языка: аксиологически отрицательные понятия приобретают «привлекательность», и наоборот, понятия, необходимые для гармоничного воспроизводства общества, подвергаются осмеянию. Запрет именовать дурака дураком, а вместо этого употреблять выражение «субъект с альтернативной одаренностью» нивелирует саму значимость человеческого мышления, таланта и одаренности. Из этого следует, что укоренение

искусственного языка не имеет никакого отношения к декларируемым правам человека и построению гармоничного общества, а есть проявление вульгарной, формальной демократии, претендующей на изменение бытия субъектов через трансформации в языке.

В чем опасность политической/социальной корректности для сохранения традиционных ценностей и бытия языка? Национальное слово всегда конкретно в эмоционально-оценочном значении, а иноязычное порой «меняет его с минуса на плюс, создавая некую языковую "малину". Банды героизируются под "мафию", воры-вымогатели становятся романтическими "рэкетирами", христопродавцы-убийцы оборачиваются выгодными и доходными "киллерами". Беспримерная в мирной истории страны разруха возводится в туманно-загадочный "дефолт"» [8].

Из сказанного следует, что обратная сторона политкорректности – придание безобидных качеств отвратительным явлениям. Д.А. Медведев на заседании президиума Госсовета по проблемам межнациональных отношений, прошедшего в Уфе 11.02.2011 г., призвал журналистов внимательнее следить за используемыми эпитетами и определениями, «не называть черное белым». Он подчеркнул, что, «к сожалению, в некоторые СМИ проник язык вражды» и некоторые средства массовой информации «может быть, не придавая этому значения, используют его, не задумываясь о последствиях, о том, как это ранит людей, которые относятся к тому или иному этносу». «Я иногда смотрю наши программы, там периодически проскальзывают эпитеты, которые принципиально неприемлемы, даются определения, которые чужды национально-государственному и административно-территориальному делению, используются клише из практики деятелей сепаратизма и экстремизма. Например, сообщается, что "задержан эмир такого-то джамаата". Какой эмир? Какой джамаат? Мы же с вами понимаем, что это не борцы за веру, а убийцы и бандиты…» [9].

Язык политкорректности, или словесное оборотничество, – сильнейшее орудие в руках террористов, средство оправдания их преступлений. Словесный ряд «эмиры», «борцы за веру» используется террористами для героизации их деятельности, вовлечения новых сторонников.

Искусственный язык политкорректности создает некую виртуальную реальность, где противоречия устранены за счет вытеснения имен, их порождающих и способных вызвать социальную напряженность. Аналогии происходящих в бытии языка трансформаций с виртуальной реальностью вполне правомерны по той причине, что субъект переходит от реального, естественного языка к искусственному языку, создающему иллюзию благополучия. Эти выводы согласуются с результатами исследований Е.О. Труфановой, обратившей внимание на изменение качеств субъекта в сети Интернет, которая является прообразом виртуальной реальности. Исследовательница полагает, что сетевая идентичность является аспектом эскапизма как такой характеристики деятельности субъекта, когда он «убегает» от реального, повседневного мира в мир грез, фантазий, иллюзий. Наряду с религией, просмотром телевидения и кино, в качестве эскапизма выступают компьютерные игры и общение в Интернете [10, с. 16].

Идеология политкорректности, которая создает свой искусственный язык, трансформирует понятийный аппарат естественного языка. Идеология требует, чтобы субъект отказался от своего собственного языка и мышления и стал думать с помощью готовых языковых форм.

Субъекты добровольно соглашаются мыслить и выражаться как все. Такая обезличенная коммуникация создает ситуацию духовного молчания, небытия в бытии, когда субъекты номинально обладают свободой слова, однако выражать собственные суждения не вправе.

Язык политической корректности правомерно называть средством выражения *формальной терпимости*. Намеренное замалчивание не может дать решения насущных проблем. Следовательно, язык политической корректности не может способствовать процессу конструктивного разрешения противоречий, поскольку отменяет диалог в принципе, заменяя его умалчиванием проблемы.

Литература

1. *Тер-Минасова С.* Политическая корректность, или языковой такт // Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2008. С. 215.
2. *Шаров К.С.* На темной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 31.
3. России нужна не политкорректность, а терпимость. Спор о политкорректности. Интервью заведующего сектором аналитической антропологии Института философии РАН В.А. Подороги Русскому журналу. URL: http://www.russ.ru/ Mirovaya-povestka/Rossii-nuzhna-ne-politkorrektnost-a-terpimost (дата обращения 2.02.2011).
4. *Джалал Абдульвалий.* Политкорректность-толерантность и светскость v.s. Ислам. Информационно-аналитический портал «Голос ислама». URL: http://golosislama.ru/news.php?id=7351 (дата обращения 25.10.2012).
5. Госдеп США по поводу отмены слов «мать» и «отец». Информационное Агентство CNL-NEWS по материалам: NEWSru.com. URL: http://www.cnlnews.tv/2011/02/02/usa/ (дата обращения 10.02.2011).
6. *Ионин Л.Г.* Общество меньшинств: политкорректность в современном мире. Деятельность Центра аналитической антропологии. URL: http://www.podoroga.com/caadelo4.html (дата обращения 02.02.2011).
7. *Мельков А.* О мерах по совершенствованию российского законодательства в области защиты русского языка. Выступление на Совете по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации «Сохранение и развитие языковой культуры: нормативно-правовой аспект» (16 октября 2009 г.). URL: http://www.mamif.org/sf09.htm (дата обращения 11.05.2010).
8. *Дмитровский А.З.* Русский язык на пороге XXI в. URL: http://www.voznesenie.orthodoxy.ru/speech.HTM (дата обращения 11.05.2010).
9. Д. Медведев призвал СМИ внимательнее следить за используемыми эпитетами и определениями. URL: http://www.rbc.ru/fnews.open/20110211194610.shtml (дата обращения 12.02.2011).
10. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 16.